

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики семантика номинативных единиц рассматривается как синергетическое единство внутреннего и внешнего содержания языкового знака. Внутреннее содержание слова составляет его собственно языковая семантика – результат взаимодействия его лексического, грамматического, словообразовательного и стилистического значений. Первые два представляют собой «языковленные» предметные и структурные отношения языкового знака к внеязыковым объектам номинации, вторые два (словообразовательное и стилистическое значения) порождаются генетическими (деривационными) и функционально-смысловыми отношениями, устанавливающимися между единицами внутри языковой системы. И те, и другие формируют семантическую структуру слова: смысловую структуру многозначного слова (структуру его ЛСВ) и семантему (семную структуру) каждого ЛСВ. Внешнее содержание номинативных единиц языка детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями, порождающими основные протосемантические категории – универсально-предметный код (УПК), предметный остов, концепт и внутреннюю форму слова.

Универсально-предметный код – первая когнитивная структура, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики. В его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации. Денотативные схемы подобного рода фокусируют эмпирические знания о предмете номинации и его связях и отношениях с другими элементами дискурсивного сознания во внутренней речи, имеющей, по данным А.Р. Лурия, решающее значение для перекодирования замысла в развернутую речь и для создания порождающей схемы развернутого речевого высказывания. Именно внутренняя речь служит основным «механизмом, превращающим внутренние субъективные *смыслы* в систему внешних развернутых речевых *значений*» [Лурия А.Р., 1975: 10]. Поскольку субъективные смыслы воплощаются в предметно чувственных образах, внутренняя речь призвана перевести план содержания таких образов из сукцессивно (линейно) представленных фрагментов дискурсивного сознания в симультанную (нелинейную, целостную) структуру. Последняя в силу своего предметно-наглядного статуса была названа Н.И. Жинкиным предметно-изобразительным, или универсально-предметным кодом (УПК).

Предметно-изобразительный код, утверждает ученый, – скорее не конкретный образ, а образная схема, выполняющая роль посредника между языковым знаком и обозначаемым предметом. «Не образ» – потому, что УПК не представляет собой целостной и законченной картинки. И все же, на наш взгляд, УПК не лишен в нашем сознании образного представления, пусть даже и схематичного. Будучи предметно-изобразительным кодом, УПК действительно представляет собой образную схему, смысловое содержание которой сопровождается наглядным образом. Это, надо полагать, сжатая, контурно представленная схема, по которой осуществляется интериоризация (семиотическое перерождение предмета номинации). Ее когнитивная сущность состоит в том, что в речемыслительном процессе денотативная структура (обобщенное отражение предмета) преобразуется в семантическую структуру знака, а при восприятии языкового знака, наоборот – семантическая структура (означаемое знака) переводится в денотативную структуру номинируемого объекта. УПК, таким образом, выполняет посредническую функцию, обеспечивая возможность взаимопонимания между общающимися. УПК – исходный протосемантический конструкт, непосредственно переводящий довербальную информацию в смысловое содержание слова посредством так называемого предметного остова.

Понятие «чистый предметный остов», введенное в науку Г.Г. Шпетом, с одной стороны, несколько отличается от УПК, а с другой – от внутренней формы слова. Если УПК – посредник между познаваемым объектом и языковым знаком, то предметный остов – *элемент словесной структуры*, точнее, смысловой структуры языкового знака. Психологи утверждают, что предметный остов языкового знака не дан, а задан (В.П. Зинченко). Он может быть реализован в языковом знаке, в котором, собственно, ему и сообщается некий смысл, включающий в себя образ действия, моторную программу и т.п.

Итак, предметный остов языкового знака – это образ, но образ амодальный, образ уже осуществившегося или будущего предметного действия. Такой образ может приобрести то или иное словесное выражение. Так, намерение пригрозить кому-либо обычно обретает предметный остов-образ, в пределах которого кодируется амодальное содержание: «адресат может быть (или будет) наказан, проучен». Это чистая амодальная программа будущего предметного действия. При этом зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности вместе с выбором той или иной словесной структуры. Ср.: наказать кого-л., проучить кого-л., показать, где раки зимуют кому, костей не собирать; спустить (содрачь) шкуру с кого, стереть в порошок кого. До словесного облачения предметный остов остается стержневым элементом мысли: ***человек знает умом, что он хочет сделать, какое воздействие произвести, но не может то, что знает умом, собрать в зрительный образ.***

Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий в свою очередь образ словесный. На этом этапе предметный остов превращается в «живую» внутреннюю форму слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову почти ощутимую поэтическую (образную) энергию. Без этой энергии слово не может «жечь сердца людей». А слово в функции вторичной номинации еще и приращивает, умножает свою поэтическую энергию, чтобы затем сторицей вернуть ее действию.

Предметный остов в структуре внутренней формы в сочетании со смысловым восприятием объекта номинации представляет собой когнитивную базу любого языкового знака и в этом плане связан с этимологией слова. Этимон – это первое изображение на дисплее дискурсивно-когнитивного порождения слова и его значения. Это своего рода речемыслительный конструкт, в котором находит выражение то, как представлен нашему сознанию концепт в результате сопоставления всех форм его репрезентации в экстенционале языкового знака. Так, для слова истребитель этимологией выступает первичный конструкт концепта «истребление, уничтожение», схваченный по сущностным признакам обобщенный *образ*; он уже понятен и даже эквивалентен понятию, но существует еще в другой системе измерений (ср. работы В.В. Колесова). Смысловым и эмбриональным ядром этимона является внутренняя форма имени концепта. Не случайно концепт некоторыми исследователями отождествляется со смыслом имени. И как следствие тому концепт определяется как способ, каким имя выражает информацию о предмете через соответствующее понятие.

В лингвистике нашего времени «понятие» и «концепт» обычно различаются, хотя характер их соотношения и содержания интерпретируется неоднозначно. [Ср.: Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 383-384; Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 92; Болдырев 1999: 16].

С точки зрения когнитивно-семасиологического содержания языкового знака концепт – культурно-семиотический феномен, поскольку обладает способностью отражать не только смыслы, облаченные в языковую плоть, но и так называемые невербализованные («молчаливые») смыслы.

Между концептом и понятием невозможен знак равенства уже потому, что концепт в сущности своей синкретичен: одновременно и суждение, и понятие, и представление. Поскольку в его структуре гармонично сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, логическое и образное начало, по сути своей термину концепт синонимично «обыденное образное понятие». Такого рода «природное» своеобразие концепта обеспечивает ему широкие когнитивно-семасиологические возможности: он одновременно и стимул (источник) семантического развития языкового знака, и его продукт. В последней своей ипостаси,

будучи конечным пределом развития и формирования семантики слова, концепт, с одной стороны, служит его интенционалом, образующим семантическую инвариантность знака, а с другой, – выступает источником его импликационала, поскольку направляет когнитивный поиск, обеспечивающий говорящим возможности выбора средств речевой реализации его смысловой архитектоники [ср.: Колесов В.В., 2002: 63].

Истоки подобных суждений восходят к определению, сформулированному основоположником концептуализма Петром Абеляром: концепт – это не форма, а способ схватывания смысла – связывание суждений (высказываний) в одну точку зрения на тот или иной предмет. «Схватывание смысла» – это своего рода попытка понять, каким образом нашему языковому сознанию представляется когнитивное содержание языкового знака. Это в свою очередь ставит вопрос о том, как порождается концепт в процессе того или иного речемыслительного акта, что служит тем связующим мостиком, по которому осуществляется перевод когнитивной структуры в языковую. В поисках ответа на данный вопрос целесообразно обратиться к учению В. фон Гумбольдта, согласно которому таким «мостиком» выступает в языке его внутренняя форма, не являющаяся, однако, ни исключительно интеллектуальной (поэтому не отождествляемой с понятием / представлением, ни формальной структурой в обычном понимании. Она, в интерпретации Г.Г. Шпета, может выступать абсолютной формой, формой форм словесно-логического плана, т.е. формой форм как чувственной, так и смысловой данности [Шпет Г.Г., 2003: 101]. Внутренняя форма слова, в отличие от понятия – категории объективной, классифицирующей, статичной, логической, характеризуется способностью к субъективному, переживаемому, динамичному и поэтому лингвокреативному представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определенном языке.

Внутренняя форма как закон смыслового развития слова не может быть ни самим смыслом (равно как и образом, сопровождающем представлении, механизмом ассоциации и аперцепции), ни этимологически исконным значением слова. Она продукт дискурсивного мышления, служащий для нашего языкового сознания импульсом, толчком, отправным пунктом для преодоления тех противоречий, которые так или иначе имплицированы в концепте в виде скрытой когнитивно-дискурсивной энергии, определяющей творческий потенциал языкового знака. Преодоление этих противоречий доступно всем говорящим на данном языке, поскольку осуществляются по повторяющимся законам живого комбинирования словесно-логических единиц, т.е. по словесно-логическим алгоритмам. Именно такого рода алгоритмы позволяют назвать способы представления смыслового содержания в языковом знаке его внутренней формой. Однако в этом случае речь идет скорее о внутренней форме слов как словесно-

логическому представлению заключенного в них смысла. В поэтическом языке слово обычно обращено к переносным смыслам, способы представления которых нашему сознанию отличаются их обусловленностью эстетическими переживаниями и воображаемыми ассоциативно-образными импликациями. Поэтому такие способы презентации нашему сознанию когнитивно-смыслового содержания мы вслед за Г.Г. Шпетом называем художественными (поэтическими) внутренними формами слова [Шпет Г.Г., 2003: 144].

Внутренняя форма слова, таким образом, как пограничный элемент когнитивной и языковой семантики – понятие более емкое и широкое, чем предметный остов и УПК – элементы когнитивной структуры. При этом все они служат этапными, узловыми механизмами формирования образной семантики языковых знаков: **УПК > предметный остов > внутренняя форма > словесный образ**. Здесь, однако, следует сделать еще одно важное уточнение: УПК и предметный остов структуры слова, хотя и глубинные, но все же элементы семантической структуры слова, поскольку противопоставляются вещи – референту слова.

«Следовательно, если объект знакообозначения условно назвать внешней формой речемышления, а актуальное значение языкового знака – оптической формой, то лежащие между ними логические формы следует считать внутренними и по отношению к первым, и по отношению ко вторым» [см.: Шпет Г.Г., 2003: 400]. По убеждению Г.Г. Шпета, внутренняя форма языкового знака должна рассматриваться с точки зрения двух его взаимосвязанных функций – номинативной и семасиологической. В рамках первой внутренняя форма вскрывает свою номинативную предметность, а в рамках второй – предметность смысловую.

Номинативная предметность внутренней формы языковых знаков традиционно вызывала особый интерес в отечественной науке о языке. Ф.И. Буслаев впервые сформулировал очень распространенное ныне положение о том, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всех бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображения». Сущностные свойства этого признака как эпидигматического звена деривационной памяти языковых значений были обобщены в понятии «внутренней формы» (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, В. Вундт), получившем оригинальное, собственно лингвистическое толкование в трудах А.А. Потебни. Ученый опирается на понятие апперцепции – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. Под прошлым опытом понимают все знания, взгляды, интересы, эмоциональное отношение данной личности. И не только. Опираясь на Г. Штейнталья, С.Д. Кацнельсон пишет: «Апперципируя внутреннее, слово апперципирует тем самым и внешний объект. Если восприятие нашло выражение в звуковом рефлексе, то, как восприятие, так и воспроизведенный в памяти образ апперципируется этим рефлексом, и

этот рефлекс представляет находящийся внутри образ, или интериоризованный <...> предмет» [Кацнельсон С.Д., 2001: 39]. Эти мысли представляются нам особо ценными для понимания семантики знаков вторичной номинации, поскольку их значения формируются опосредованно, путем использования того коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именованя. Таким посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящего и выступает внутренняя форма. Из этого следует, что содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили ее генетическим источником. Ср.: лить воду на мельницу чью, кого – ‘косвенно помогать, содействовать кому-л. своими поступками, доводами’; держать под своим крылышком кого – ‘опекать, оберегать, помогать и покровительственно относиться к кому-либо’; наводить/навести тень на плетень – ‘намеренно вносить неясность, сбивать с толку’. В первом случае внутренней формой служит образное представление о «механизме» работы водяных мельниц, во втором – о заботливом отношении птиц к своим детенышам, в третьем – о теневом отражении предметов. Кроме денотативных сем лексических компонентов, в создании внутренней формы принимают также участие и грамматические семы первично-денотативного характера, которые, выражая определенные отношения между предметами, воспроизводят в нашем воображении целые денотативные ситуации, в контурном виде предопределяющие характер и основные направления формирования семантической структуры слова и, соответственно, его понимания участниками коммуникативного акта.

Большинство исследователей выводит внутреннюю форму за пределы семантической структуры слова в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий. Сам по себе такой подход к интерпретации анализируемого понятия не вызывает возражений, однако представляется нам односторонним. Внутренняя форма – результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности. На наш взгляд, сущность внутренней формы номинативных единиц обуславливается вторичностью их семиозиса, предполагающего активное участие в возникновении всех смыслообразующих компонентов – лексических и грамматических – в их ономаσιологическом и семасиологическом взаимодействии.

1. Ономаσιологическая трактовка внутренней формы языкового знака берет начало в наиболее ранней потебнианской концепции, согласно которой внутренняя форма рассматривается, как правило, с психологической точки зрения. В этом случае психической основой внутренней формы считаются представления о том или ином дистинктивном признаке – источнике номинации. Именно такое представление, полагает А.А. Потебня, «создает непрременную стихию

словесных образований» [Потебня А.А., 1958: 19]. Итак, внутренняя форма как эпидигматический компонент, источник и стимулятор языковой номинации выступает важным регулирующим фактором формирования языкового значения и его речевой реализации.

2. Основы семасиологического осмысления внутренней формы языковых единиц были заложены А.А. Потебней во второй период его лингвистической деятельности. Ученый предложил различать языковые и внеязыковые знания о соответствующем объекте номинации, назвав первые «ближайшими», а вторые – «дальнейшими» значениями [Потебня А.А., 1976: 20]. «Ближайшее значение» у Потебни служит, по существу, конструктивным моментом в развитии «дальнейшего значения» – совокупности энциклопедических (внеязыковых) знаний о номинируемом фрагменте реальной действительности, фиксируемых сознанием в виде понятий и образов. «Ближайшее значение», будучи знаком «дальнейшего значения», облегчает процесс мышления, освобождает его от лишних деталей, т.е. выступает формой связи старого (производящего) и нового (производного) в значении идиом: сломать (свернуть) себе шею (голову) на чем – 1) ‘получить увечье, погибнуть’, 2) ‘потерпеть полную неудачу в чем-л.’; свить (себе) гнездо ‘устроить свою семейную жизнь, создать домашний уют’.

Открытый А.А. Потебней элемент языковой семантики («ближайшее значение») назван им формальным, поскольку он «является формой другого содержания» [Потебня А.А., 1976: 22]. Иными словами, «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания.

Итак, внутренняя форма языкового знака рассматривается нами как синхронный эпидигматический компонент его семантической структуры, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т.е. отражающий тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности. Ср., например, внутренние формы (1) «ограниченность» в семантической структуре идиомы руки коротки у кого ‘нет права, возможности, силы что-л. сделать, предпринять’, (2) «основание, сущность» в семантике фраземы смотреть (глядеть) в корень чего ‘входить, вникать в сущность чего-л.’ и т. п.

Во внутренней форме знаков вторичной номинации оказываются взаимосвязанными номинативный, предикативный и действенный аспекты смыслообразования. В зародыше такая внутренняя форма содержит в себе и коннотативный, и оценочный, и семантический компоненты. Поэтому внутренняя форма не сводима ни к концепту, ни к эмосеме, ни к этимологическому значению. Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта. И в этом отношении чрезвычайно

важным представляется суждение Г.Г. Шпета о том, что внутренняя форма номинативных единиц не исчерпывается логическими, т.е. смысловыми, формами. Логические формы образуют лишь семасиологическое ядро знака, которое как бы обволакивается формами синтагматическими. Именно сложное сплетение синтагматического и ближайшего логического (смыслового) слоя образует сложные и не всегда уловимые контуры внутренней формы. Причем синтагматические формы знаков не прямой номинации шире логических и целиком в последние не укладываются. Перефразируя Н. Заболоцкого, можно сказать, что под поверхностью каждого такого знака шевелится бездонная смысловая мгла. Своеобразие синтагматических форм состоит в том, что они сначала предполагают, а затем модифицируют логические формы. Для понимания внутренней формы знаков не прямой номинации существенно замечание Г.Г. Шпета об игре синтагм и логических форм между собою. Последние, по его мнению, служат лишь основанием для такой игры. Эмпирические синтагмы образуются капризом языка, составляют его улыбку и гримасы, поскольку эти формы игривы, вольны, подвижны и динамичны [Шпет Г.Г., 1989: 407–409]. Ср.: и [даже] бровью [глазом, ухом, усом] не ведет / не повел (-а, -и) ‘кто-либо ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-либо или к чему-либо, сохраняя спокойствие, проявляя самообладание, сдержанность’, хоть отбавляй, <хоть> пруд пруди, яблоку негде (некуда) упасть, конца-краю (края) не видно (не видать, нет) чему ‘очень много, в огромном количестве’. Внутренняя форма знаков непрямого именованья взаимодействует не только с внутренними формами знаков первичной номинации, но и с внутренними формами действия и образа. Слова в составе фразеологизма, например, своими внутренними формами проникают в действие, становятся его внутренней формой. Это делает действие осмысленным и эвристическим. Вот почему внутренняя форма знака меньше всего напоминает оболочку, она, напротив, предстает как стимул переработки и преобразования первоначальной информации, кодируемой в языковом знаке не прямой номинации. Столь важную преобразующую функцию внутренней форме сообщают предметный осто́в знака и образ номинируемого действия.

Как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа (схема) внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой гаммы образной палитры дискурсивной идиомы. Внутренняя форма слова уподобляет концепт ближайшему родовому значению: истребитель – «тот, который истребляет». И в этом качестве он представляет в нашем языковом сознании суть категоризации соответствующего объекта познания и именованья.

Не последнюю роль в интенсификации коннотативных сем языкового значения играют внутренняя форма как центр этимологического образа («скрученный, винтообразный бараний рог») и те экстралингвистические смыслы концепта, которые остались в процессе косвенно-производной номинации не объективированными. Кроме предметно-логического содержания знак непрямого обозначения содержит информацию о субъективном понимании тех отношений, в которых находится объект номинации и языковой знак. Значение таких знаков «зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого <...> предмета» [Лосев А.Ф., 1990: 75]. Лосевская метафора «смысловый свет», падающий от предмета номинации, по отношению к значениям знаков непрямого именованья имеет особое этнокультурное содержание, полученное в результате ценностно-ориентированной интерпретации знаний не только о предмете знакообозначения, но и о той денотативной ситуации, частью которой он является. Такое этнокультурное содержание означаемого знака представляет: а) не объективированную в знаке часть концепта – когнитивного субстрата значения; б) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания; в) этноязыковые смыслы, косвенно исходящие от знаков первичной номинации, послуживших деривационной базой для вторичного лингвосемиозиса; г) коммуникативно-прагматические смыслы, рожденные в процессе взаимодействия языковых значений в соответствующих речевых и ситуативных контекстах.

При таком понимании, внутренняя форма слова – это некий смысловой эмбрион, по-разному актуализируемый в образном пространстве данного концептуального поля: а) тот, кто истребляет кого- или что-н. (истребитель грызунов), б) самолет-истребитель, в) летчик истребительной авиации.

Таким образом, представляет собой когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака формируется пересечением самых разных по своей когнитивной онтологии смысловых линий, идущих от концепта, предметного остова, УПК и внутренней формы слова. Иерархически организованная совокупность элементарных смыслов, порождаемых этими смысловыми линиями, образует семантическую структуру слова.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-дискурсивные аспекты косвенной номинации (на материале восточнославянских языков) // *Slowo. Tekst. Czas. Nowe Srodki nominacji jazykowej w nowej Europie.* Red.prof.dr hab. Michail Aleksiejenko. – Szczecin, 2004.
2. *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная лингвокультурология (знаково-символическая репрезентация этнокультурного сознания) // *Язык и культура.* Киев, 2004.

3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Изд. 3-е, стереотипное. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2002.
4. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
5. *Зинченко В. П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
6. *Кацнельсон С.Д.* Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: «Языки славянской культуры, 2001.
7. *Кубрякова Е.С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
8. *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
10. *Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т.1–2.
12. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
13. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
14. *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М., 1994.
15. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003.
16. *Ungerer F., Schmid H.-J.* An Introduction to Cognitive Linguistics. London, New York. 1996.

Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : науч. альманах / Ставропол. гос. пед. ин-т ; под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь, 2009. – Вып. 7. – С. 7-17.